

Глава 1

Каждую вторую ночь Альбер Кантен спускался в своей лодке-кровати по Янцзы до самого устья: триста километров, двадцать шесть дней пути, если не встретятся пираты; двойные порции рисовой водки, чтобы туземная команда не вздумала бунтовать. Время дорого. Уровень воды в реке уже понизился до критических отметок, нанесенных европейцами на прибрежные скалы; с часу на час лодка могла увязнуть в иле и застрять, как Ноев ковчег на горе Арарат. Кантену были по душе такие авантюры, где можно развернуться вовсю: он смело сходил на берег, покупал у крестьян упряжку волов и нанимал погонщиков, расплачиваясь с ними мексиканскими долларами, более выгодной валютой, чем местные сапеги. Сделка не обходилась без некоторых тонкостей: китаезы всегда требовали деньги вперед. И тут Кантен, единственный француз среди этой алчной и хитрой орды, проявлял удивительную для юного морского пехотинца находчивость. С улыбкой на лице он разрывал банкноты на две части, так что они становились недействительными, одну пачку половинок вручал главному артельщику, а вторую обещал отдать по завершении работы. Азиат почтительно склонял голову перед такой изобретательностью, которая останавливала охотников дать тягу. И плавание во сне продол-

жалось, поначалу медленно и осторожно, чтобы волю, которых заводили в воду по самую шею, не рванулись и не затоптали кого-нибудь насмерть. Мадам Кантен даже не просыпалась.

Иногда навстречу попадалась джонка с факторий, груженная шкурами тибетских яков, из них добывали мускус; иногда — китайские парусные лодчонки, полные человеческих экскрементов, ценившихся на вес золота на рынке удобрений в Чунцине; изредка — британская канонерка, охранявшая торговый путь от вероломных жителей прибрежных селений. Иной раз одно или несколько из них сжигали дотла. Соломенные хижины пылали, как факелы, пламя мешалось с полосами света, которые чертили на стенах спальни фары едущих в сторону Парижа автомобилей. Кантен открывал глаза, слушал мерный стук маятника больших часов в недрах гостиницы и вспоминал, что ему уже пошел седьмой десяток. Глубокая осень. Его белая тропическая роба старшего матроса от пота промокла насквозь, как в разгар сезона дождей. Он тяжело поднимался с постели, менял впотьмах ночную рубашку и запускал руку под подушку, чтобы вытащить из лежащего там пакетика леденец, любой, кроме анисового — эти он не любил, может, потому, что они напоминали ему вкус анисовки.

Кантен начал сосать леденцы вскоре после того, как бросил пить. Это средство подсказал ему один случайный посетитель как-то в понедельник на Троицу. Кантен поблагодарил и налил ему стаканчик. Сам-то советчик выпивал за милую душу, как почти все клиенты «Стеллы», вот почему Кантену так тяжело было выдерживать зарок, особенно первое время: когда в

кафе при маленькой гостинице заходила компания угоститься аперитивом, он вцеплялся обеими руками в конторку с ключами от номеров. В таких случаях из коридора тут же возникала спасительница Сюзанна:

— Альбер, будь добр, помоги мне на кухне!

С тех пор как муж решил на такую жертву, Сюзанна похорошела. В ее чуткой душе тоже произошла важная перемена: от былой обреченности не осталось и следа, теперь она была полна надежды и доверия. Казалось, вся их жизнь начиналась заново. Никто вокруг не подозревал, какой прилив сил ощущала Сюзанна; вот только с ребенком уже ничего не получится: она дважды была беременна и оба раза не смогла выносить до конца.

— Ничего, малыш, все в порядке. Я работаю.

Альбер Кантен поворачивал к жене одутловатое, в синеватых прожилках лицо и кивал ей. Они прекрасно понимали друг друга и знали, как велика опасность. Но говорить об этом избегали, — впрочем, они вообще разговаривали немного; за обедом в маленькой столовой, оборудованной рядом с бельевой, по-прежнему подавалась открытая бутылка вина. В конце недели горничные выпивали ее вместе со своими ухажерами, здоровенными парнями, у которых подобных проблем не возникало.

У Сюзанны всегда хватало ума не уговаривать и не принуждать мужа. Да Кантен и не стал бы подчиняться желаниям жены или предписаниям врача. Бывало, когда он впадал в буйство, то норовил сцепиться с кем-нибудь из клиентов и выкинуть на улицу, так что вся округа его боялась. А в остальное время просто был беспробудно пьян и вполуха прислушивался к

густому гомону в кафе. Приятели говорили, что он даже в стельку пьяный крепко стоит на ногах. Что ж, Кантен и правда был человек самостоятельный, себе на уме, может, поэтому в один прекрасный день, без всякой видимой причины, он объявил: «Все! Я завязал». В первые дни больше, чем азарт, ему помогало держаться уважение к себе и к своему слову. Это уж потом он стал тайком глотать снадобья.

В те ночи, когда Кантен не плавал по Янцзы, ему снилось, что он лежит в траве на нормандском берегу, уткнувшись носом в узелок со столовым серебром, украшенным вензелем «ГС» — гостиница «Стелла». Яркие, ядовитых цветов осветительные ракеты змеились над головами немецких солдат, которые купались в море, а теперь в панике выбегали из воды. Небо полыхало огнем, темная лавина продвигалась по земле. Танки врезались в хлева, прокатывались гусеницами по соломе; лучи прожекторов кинжальными лезвиями рассекали воздух на высоте человеческого роста; четверых солдат без касок словно пригвоздило к белой стенке, у которой они невинно пристроились, расстегнув ширинки, четыре затылка, растопыренные локти на фоне белой известки, — словно шеренга заложников. Далеко внизу бурлили и дымились горячие белые гребни Ла-Манша. Кантен лежал ничком под яблоней, хотел кричать и не мог.

Это были картины того дня, когда жизнь его круто повернулась, когда война, на самом своем исходе, взяв его за горло, заставила сделать решительный шаг. Уже давно, с тех пор как Сюзанна стала отворачиваться от него в постели, он холостыми ночами

мечтал об этой войне — издалека, лихо размалеванная, она казалась молоденькой красоткой. Но война долго обходила его стороной. И вот, наконец, она пришла — прогнившая до костей карга — и стала за ним увиваться, заигрывать, дразнить импотентом. Можно сколько угодно уговаривать себя, что это не мы выбираем шлюх, а они сами нас находят, жить от этого не легче. На другой день после высадки союзников немцы приказали всем жителям Тигревилля оставить город. Гостиницу «Стелла», которая с начала оккупации превратилась в кабаре, тут же, не спросив Альбера, переоборудовали в блокгауз. Для такого бузотера, как он, просидеть четыре года, не смея открыть рта, и так было нелегко, а уж этот последний удар совсем его доконал. Жена, с двумя чемоданами и документами, отправилась в Лизье, а он остался один, на границе огромной запретной зоны, в самом пекле. С утра до вечера Кантен нетвердым шагом бродил между руинами домов, нахлобучив на голову вместо каски колониальный шлем; изредка, наорав на часовых, своих недавних клиентов, как на повара, он навевался в собственную гостиницу. Вольным бродягой встречал он закат и устраивался спать на какой-нибудь опустевшей ферме; узелок с серебром, которое он решил сберечь во что бы то ни стало, всегда лежал под боком. Сиротливые, заросшие травой поля пережидали темень. Ждать приходилось недолго. Ночи скромно сжимались, уступая место историческим дням. И вот уже заря закидывала свои сети в сонное царство. Альбер, растянувшись в люцерне, мысленно перебирал запутавшуюся в петлях добычу: вот еще тепленькие любовники, вполне

съедобные, если аккуратно вырезать сердца; вот пьяницы, насквозь пропитанные пряным маринадом, сгодятся на отбивные; вот холостяки, выуженные из серых простынок, от которых впору расплакаться пращам. Гроздя утопленников, почти таких же реальных, как те, что выносило и раскладывало на берегу море, всплывали на поверхность его памяти, и он встречал их позабытыми любезными словами. Человек — терпеливый, неспешный ловец. Впервые после демобилизации он снова, как в Китае, спал под открытым небом.

Но в ту ночь, 13 июля 1944 года, Тигревиль, такую ничтожную цель, накрыло артиллерийским огнем. Виллы, куда солнечный свет не проникал со времен императрицы Евгении, скидывали крыши, как кукольные домики, и озарялись ночным солнцем; на горизонте рыбьим плавником торчала расколотая надвое колокольня; ветхое казино ходило ходуном. Скалистый берег утопал в клубах сернистого дыма, и Кантен понял, что гостиница, к которой он навечно прикован, того и гляди рухнет и, значит, оборвется нить дней, наполненных тоской и назойливым гулом. Запертая в клетку птица будущего встрепенулась и громко запела. Шальная мысль о разводе обожгла мозг. Хотя ремесло обязывало держать двери дома открытыми, его давно подмывало собрать вещички да хлопнуть этими самыми дверями, но не хватало духу и жестокости, и вот артобстрел решает все за него. Какие-то люди убивают там друг друга ради того, чтобы его судьба распрямилась. Горбатая старуха война обернулась-таки доброй феей, которая не взмахами волшебной палочки, так пушечными выстрелами

превращала тыквы в кареты и танки. Прекрасная птица будущего заливалась радостными трелями.

И все же Кантена как-то не слишком тянуло срываться неизвестно куда с насиженного места. Жажда приключений, похвальная для юноши, в солидном человеке просто смешна, да и слишком мучительна перспектива изо дня в день выслушивать обвинительные речи собственной совести, от которой никуда не денешься. В молодости он получил от Республики свою долю острых ощущений: тропики, саке, экзотические женщины. Все это прекрасно. Но если человеку нужна помощь британских ВВС и Люфтваффе, чтобы сбросить тридцатилетние оковы, значит, он создан для них. Часа в три ночи ему представилась Сюзанна, бездомная, сидящая на чемоданах на каком-нибудь монастырском дворе или стоящая в очереди за бесплатным супом... Скитаться по дорогам вместе с ней, невинной душой, — ужасно! Но ход событий, похоже, не считался с его волей, а ему нечем было откупиться, разве что принести в жертву свое убежище, свои буйные, ухабистые, пьяные уголья, свое царство. И, ни секунды не колеблясь, он поставил его на кон: «Если я вернусь в гостиницу, если Сюзанна снова будет зажигать по вечерам нашу вывеску, символ нашей жизни, и если кто-нибудь, как бывало, забредет на этот огонек и спросит у меня ключ от номера, клянусь, что никогда больше не прикаснусь к бутылке!» Зарок пьяницы был скреплен именем Господа Бога, которое потонуло в грохоте бомбежки, а Кантен, накрыв голову узлом, со смятенной душой вслушивался в дребезжа-

щее металлическое биение пульса чайных ложечек у самого своего уха.

Вскоре окопные бои выгнали его на открытую дорогу, и тогда он твердо решил не отступать больше ни на шаг под натиском враждебной стихии, которая отдаляет его от дома. Воспользовавшись затишьем, он встал на обочине и вытянул руку, чтобы остановить попутную машину — за последние годы он привык к такому способу передвижения. Транспорт не заставил себя ждать — на этот раз его подобрал английский бронетранспортер. Вернувшись в Тигревиль вместе с экипажем, Кантен прослыл освободителем. Ну а сам он, едва завидев отвоеванную у судьбы обитель, уже знал, что это его тюрьма. Снова торговаться с Богом было не с руки; связанный клятвой освободитель попал в плен.

Гостиница, расположенная на полпути от вокзала к морю, почти не пострадала. Правда, обвалилась чугунная ограда со стороны площади, фасад был изуродован выбоинами, крыша продырявилась, на чердаке валялись осколки снарядов, двор усыпан слоем битого стекла, а посередине его сплелись в объятиях молодой каштан и убитый канадский солдат. Но прочные стены устояли, мебели хватило на три комнаты, и, главное, исправно работали водопровод и канализация. «Это все равно что с людьми: начинаешь больше ценить их, когда чуть не потеряешь», — с радостной улыбкой сказала вернувшаяся из Лизье Сюзанна. Кантен яростно принялся за работу. В следующем сезоне гостиница открылась заново, а ее хозяин сдержал слово: отныне по утрам